

УДК 947.6 "1941" "364" (093.2)

Начало трагедии: первые дни Великой Отечественной войны в свете новых документов

Л. С. СКРЯБИНА

Чем дальше мы по времени от военного лихолетья, тем острее наша память к различным вопросам одной из величайших трагедий белорусского народа. За последние годы в отечественной исторической науке появился довольно значительный пласт научных исследований, в которых отражены трагические события начального периода Великой Отечественной войны. Однако этот драматичный период военной истории остаётся всё ещё недостаточно изученным. Восполнить данный пробел в определённой мере поможет вышедший в 2006 году сборник документов и материалов «Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны» [1]. Многочисленные оригинальные архивные материалы, сконцентрированные в вышеназванном сборнике, дают яркое представление о тех событиях, которые происходили в первые месяцы войны. В сборник включено 84 документа, хранящихся в Национальном архиве Российской Федерации. Основная часть документов публикуется впервые. Документы распределены по семи разделам. При их глубоком всестороннем изучении, данные оригинальные материалы могут быть документальной основой для объективного и обстоятельного научного исследования событий сурового и противоречивого 1941 года. Попыткой такого исследования является данная статья. В ней, кроме документов из указанного сборника, использованы и неопубликованные архивные материалы.

Анализ материалов сборника показывает, что самая нелегкая часть ратного подвига легла на плечи солдата. В сложнейшей обстановке бойцы Красной Армии шли в неравный бой, отдавая свои жизни за Отчизну. Но была, конечно, и растерянность, паника, беспорядочное отступление, сдача в плен. Подтверждением тому является содержание докладных записок секретаря Брестского обкома КП(б)Б М.Н.Тупицына и лектора этого же обкома КП(б)Б С.Н.Иоффе, секретаря Гродненского горкома КП(б)Б И.Б.Позняка телеграммы секретаря Гомельского обкома КП(б)Б Ф.В.Жиженкова И.В.Сталину, сообщения секретаря Лунинецкого райкома КП(б)Б В.И.Анисимова и др. Приведем, к примеру, некоторые выдержки из вышеназванных документов: «В начале внезапного нападения, части оказались застигнутыми врасплох, появилась растерянность, лишение связи с частями армии и отсутствие четкого управления... малоустойчивые элементы, отдельные люди теряли перспективу возможности победы над врагом, и некоторые, будучи разбитые, сдавались в плен врагу...» [1, с. 120-121], «... с первых же дней военных действий в частях 4-й армии началась паника. Застигнутые внезапным нападением, командиры растерялись. Можно было наблюдать такую картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и полковников и кончая мл. командирами) и бойцов обращались в бегство...» [1, с.90].

В начальный период войны советские вооруженные силы столкнулись с довольно сложной политической ситуацией, выразившейся в уклонении от военной службы и дезертирстве. В документах сборника приводятся факты, подтверждающие эту ситуацию. Так, в информационной записке №2 секретаря Полесского обкома КП(б)Б П.А.Левицкий отмечает, что «из Славковичского с/с Глусского района должно было явиться на призывной пункт 200 человек, явилось только — 43, направлено в часть 17» [1, с.187]. А вот, что пишет в своей информации секретарь Рогачевского РКП(б)Б С.М.Свердлов: «В районе наблюдаются факты дезертирства... После ухода немцев проведена мобилизация гр-н гор. Рогачева, а из 5 сельских советов (Лучин, Мадора, Кистени, Старое Село, Станьков) люди на призыв не являются. В этих же сельсоветах осели дезертиры, которые ушли из частей при отходе Красной Ар-

мии на левый берег Днепра» [1, с.200]. Можно привести и другие факты, но рамки статьи не позволяют этого. Основная масса «уклонистов» не имела каких-либо политических целей, их дезертирство объяснялось нежеланием попасть на фронт. Однако наличие значительного количества людей, уклонившихся от военной службы или дезертировавших из Красной Армии, насыщало социальную базу разных антисоветски настроенных групп населения.

Знакомство с документами и материалами сборника показывает руководящую роль правящей в стране Коммунистической партии и советского правительства в решении важных стратегических задач по мобилизации ресурсов страны для отпора фашистской агрессии. Так, уже в первые дни войны меры по перестройке всей жизни на военный лад, организации всесторонней помощи Красной Армии, развертыванию партизанской борьбы и подполья на территории, захваченной гитлеровцами, стали предметом рассмотрения на заседаниях бюро ЦК КП(б)Б [1, с.9-31] и легли в основу Директив ЦК КП(б)Б о переходе на подпольную работу парторганизаций районов, занятых врагом; по развертыванию партизанской войны в тылу врага; о борьбе с вражескими парашютными десантами; об организации отрядов народного ополчения; о создании специальных отрядов истребителей танков [1, с.35, 36, 47-51]. Можно много писать о совершенствовании партийного руководства деятельностью советского народа, направленной на разгром врага. В то же время необходимо обратить внимание на то общее настроение, которое сложилось среди советских руководителей и на фоне которого предпринимались меры по превращению страны в единый боевой лагерь. Особый интерес в этой связи представляет Постановление ЦК КП(б)Б «Об обороне г. Гомеля» от 30 июля 1941 г., которым признается неправильным и опасным поведение бюро Гомельского обкома КП(б)Б и его первого секретаря тов. Жиженкова, проявляющих благодушие и беспечность и не принявших решительных и быстрых мер по организации обороны г. Гомеля [1, с.60-61]. Более того, в докладной записке на имя секретаря ЦК КП(б)Б Г.Эйдинова от 19 августа 1941 г. отмечалось, что партийные и советские руководители оставили город на волю судьбы, разошлись в неизвестном направлении, не давали о себе никаких известий [2, л.18].

Растерянность, благодушие и беспечность были характерным явлением того периода. Такое заключение напрашивается после изучения дневника работы ЦК КП(б)Б с 22 июня по 19 августа 1941 г. и других архивных документов.

Выполняя директивы ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)Б, местные партийные организации развернули значительную работу по организации партизанского движения и подпольной борьбы на оккупированной территории. Как отмечается в документах сборника, только за первый месяц войны ЦК КП(б)Б и обкомами было направлено и организовано на месте 118 отрядов и групп общей численностью 2 644 человека для создания подполья и формирования партизанских отрядов [1, с.59], за период же с 22 июня по 19 августа 1941 г. – 318 групп и отрядов с участием в них 12 795 человек [1, с.45]. Однако, как свидетельствуют архивные документы, не все группы дошли до определенных мест. Вот, что пишет об этом участник одной из таких групп, направленных в Буда-Кошелевский район, в своей докладной записке к П.К.Пономаренко Э.В.Лавринович: «Ставлю в известность ЦК КП(б)Б о том, что посланная диверсионная группа в Буда-Кошелевский район Гомельской области в августе 1941 г. во главе с командиром Корнеевым И.Н. оказалась предательской, т.е. дезертировала...» [3, л.44]. Уже осенью 1941 г. на территории Беларуси боевые действия в тылу врага вели 92 партизанских отряда. Но выстоять, пережить суровую зиму 1941-1942 гг. смогли только немногие партизанские отряды и группы. Неподготовленные, плохо вооруженные, не имея связи, партизаны часто гибли, не нанося противнику значительных потерь.

Активной силой в борьбе с врагом и важным источником боевых резервов для Красной Армии стали отряды народного ополчения, к созданию которых с первых дней войны приступили партийные и советские органы. Обратимся к информационному сообщению Ф.В.Жиженкова в ЦК КП(б)Б. 12 июля 1941 г. он сообщал: «С получением директив ЦК КП(б)Б 3 и 4.VII во все районы области были посланы руководящие партийные работники обкома партии для оказания помощи районам в организации отрядов народного ополчения. При всех райисполкомах советов депутатов трудящихся организованы штабы по руководству народным ополчением. Создан областной штаб. В г.Гомеле в отряды народного ополче-

ния принято 1 976 человек, в Гомельском сельском районе при сельсоветах и колхозах организовано 29 групп 568 человек [1, с.180]. Нельзя не признать, что большая организаторская работа по формированию народного ополчения была проведена и в других областях республики, о чем свидетельствуют информация заведующего отделом ЦК КП(б)Б С.М.Гласова секретарю ЦК КП(б)Б Б.Г.Эйдинову от 13 июля, а также информационная записка №2 П.А.Левицкого в ЦК КП(б)Б от 13 июля 1941 г. [1, с. 175-178, 183-185].

Рамки статьи не дают возможности подробно остановиться на массовых примерах героизма народных ополченцев. Об этом очень много известно и так. Вместе с тем, хотелось бы остановиться на некоторых слагаемых поражений ополченцев. Это прежде всего – недостаток оружия и боеприпасов. Так, в письме об обстановке в Могилевской области (14—26 июля 1941 г.) секретарь ЦК КП(б)Б И.П. Ганенко сообщал секретарю ЦК КП(б)Б Г.Б. Эйдинову: «Плохо с оружием для ополченцев. Всего ополчения по области 12 000 человек, вооружены чем попало, из них в городе около 600 чел. и 100 винтовок на всех» [1, с.192]. А вот выдержка из упомянутой информационной записки №2 П.А.Левицкого: «Всего по районам и области создан 121 отряд в количестве 4 480 человек (в т.ч. 329 женщин)... Однако для вооружения не имеется оружия. Область располагает только 1498 винтовками и 300 гранатами» [1, с.186]. Для более полного анализа процитируем комиссара Гомельского полка народного Ополчения Шуцкого и начальника штаба полка Кужелева. В своем рапорте они писали: «Враг бил по нашим местам размещения из артиллерии, минометов, пулеметов, автоматов и винтовок. Мы же противопоставили только пулеметно-оружейный огонь» [2, л.6]. Острая нехватка оружия и боеприпасов, слабая военная подготовка, отсутствие технической связи – все это приводило к большим потерям и, в конечном итоге, к поражению.

Материалы сборника дают возможность проследить деятельность ЦК КП(б)Б и правительства по созданию истребительных батальонов. Этот аспект советской оборонительной стратегии нашел отражение в информационных и докладных записках и сообщениях секретарей обкомов КП(б)Б, а также НКВД и НКГБ БССР. В частности, в вышеназванном информационном сообщении Ф.В. Жиженкова подчеркивалось, что «в гор. Гомеле и Гомельской области организовано 19 истребительных батальонов, в которых состоит около 4 000 человек. Деятельность истребительных батальонов направлена на поимку парашютистов, шпионов, задержание дезертиров, охрану важнейших объектов, государственных предприятий, учреждений, телеграфной и телефонной связи... Истребительные батальоны не только несут охрану объектов и учреждений, но и ведут работу по разгрому немецких фашистов, принимая непосредственное участие в боях» [1, с. 178].

В то же время, анализ документов показывает недостаточную обеспеченность вооружением бойцов истребительных батальонов. Согласно сообщению УНКВД БССР по Витебской области №48/3, в НКВД и НКГБ БССР «по области организовано 26 истребительных батальонов, в которых состоит 3528 человек, из них 3029 человек вооружены винтовками, 15 пулемётами и 137 револьверами» [1, с.124]. Очевидно, что в такой ситуации, когда на каждого бойца истребительного батальона не хватало даже винтовки, почти невозможно было выполнить поставленную перед ними задачу охраны важнейших объектов государственных предприятий, учреждений и т.д. От массированных налетов самолетов противника, как сообщается в указанном сообщении, «пострадали города Орша, Полоцк, Сиротино, Бычиха, Езерище». Включительно по 3 июля «по Витебской области сбито свыше 8 неприятельских самолетов» [1, с.125]. Возникает логический вопрос: па сколько «свыше»? И много ли можно было сбить самолетов винтовками и пулеметным огнем? Кроме того, следует отметить, что командирами батальонов в отдельных случаях назначались «люди совершенно не подготовленные и не соответствующие назначению», состав батальонов был представлен различным контингентом и «многие бойцы были не знакомы с материальной частью и боевыми свойствами боевого оружия» [1, с.142]. Учитывая последнее, в батальонах проводилась учеба с личным составом. Чтобы усвоить тактику действия в боевой обстановке и взрывное дело, требовалось время, которого, к сожалению, катастрофически не хватало, т.к. угроза, нависшая над страной, требовала постоянной готовности к бескомпромиссной, яростной борьбе с ударными силами германского вермахта.

В условиях быстрого продвижения противника на восток первоочередной задачей стала эвакуация вглубь СССР населения, оборудования промышленных предприятий, материальных ресурсов, учреждений, средств сельскохозяйственного производства, крупного рогатого скота. Проблемам эвакуации, ее ходу и итогам посвящен VI раздел сборника. В различных докладных записках, информациях, сообщениях СНК БССР, облисполкомов, НКВД и НКГБ БССР отражена чрезвычайно напряженная обстановка, в которой протекала эвакуация. Особенно это касалось Витебской и Могилевской областей, «где основные шоссе, железные дороги и города все время подвергались воздушной бомбардировке противника, и в этих направлениях шло его форсированное наступление» [1, с.235]. Однако, как подчеркивалось в докладной записке Председателя СНК БССР И.С.Былинского заместителю Председателя СНК СССР А.Н.Косыгину, «несмотря на эти тяжелые условия в работе, ответственные республиканские партийные и советские работники, направленные ЦК КП(б)Б и СНК БССР в помощь областям и городам, могли обеспечить эвакуацию основных промышленных предприятий, скота и зернофуража по четырем областям: Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской. Из указанных четырех областей в основном вывезены все металлообрабатывающие станки, машины, электрооборудование, цветные металлы и наиболее ценное сырье со всех предприятий, в том числе и мелких... В указанных четырех областях имелось крупного рогатого скота в колхозных фермах 550 тыс. голов. Все районы, за исключением Жлобинского, Рогачевского, Осиповичского, скот колхозных ферм подняли для перегона. По четырем восточным областям БССР подлежало эвакуации 3 670 тракторов. Вывезено 3 500» [1, с.235-238].

Многоаспектная проблема эвакуации заслуживает особого внимания. Однако документы и материалы сборника не позволяют всесторонне осветить ее, в силу чего и мы ограничимся только отдельными моментами эвакуационного процесса. Прежде всего необходимо констатировать, что эвакуация проходила неорганизованно, «наспех, без соблюдения элементарных технических условий и учета отгружаемого оборудования» [1, с.242]. Подтверждением тому является информационное сообщение Ф.В.Жиженкова, в котором отмечается, что «в первые дни эвакуации отправка оборудования в ряде предприятий и организаций проходила ненормально, неорганизованно. Отдельные предприятия: завод имени Кирова, судоремонтный завод, ДДРП – оставили ценное оборудование без надлежащей охраны» [1, с.182]. Это же подчеркивается и в информации С.М.Гласова: «В Гомельской области и в самом гор. Гомеле плохо проходит эвакуация оборудования предприятий. В городе также скопилось большое количество беженцев. Медленный ход эвакуации предприятий и беженцев объясняется отсутствием порожняка. Под погрузку ценностей ежедневно представляется только 50 вагонов» [1, с.183]. Власти области не успели вывезти вглубь страны запасы муки, хлеба, топлива и другие продукты и материальные ценности. Так, секретарь Рогачевского РК КП(б)Б С.Свердлов 29.07.41 информирует ЦК КП(б)Б о том, что «вывезены банковские ценности, 70 тонн консервированного молока, масло, табак и др. Из 13 колхозов скот переправлен на левый берег Днепра. Остальные ценности не были вывезены в связи с отсутствием транспорта и, главным образом, загруженностью переправы отступающими войсками и беженцами» [1, с.199]. Еще 19 августа в г. Гомеле было отгружено, но не отправлено 18 вагонов муки. Осталось отгрузить еще 10 вагонов муки, 200 тонн ячменя, 100 тонн кормовой муки [2, л.18]. В этой ситуации принимались меры почти панические. На совещании 18 августа 1941 г. горкому и горисполкому было поручено окончить эвакуацию населения и материальных ресурсов, обеспечить город водой, открыть 2 магазина для торговли [2, л.18]. Это решение принимается в то время, когда бои уже шли в районе д. Поколнубичи (пригород Гомеля). В этот же день секретарь Гомельского РК КП(б)Б Кайков выехал в колхозы, чтобы обеспечить доставку необходимых 60 повозок для эвакуации оставшегося населения. Кроме того, 70 повозок дали коммунальные предприятия города [2, л.18]. Далеко ли можно было эвакуироваться на повозках, когда враг находился уже на самых подступах к Гомелю? Из вышеизложенного становится очевидным, что советские власти не использовали должным образом то значительное время (1,5 месяца) для проведения эвакуации, несмотря на то, что «Гомель-

ская и Полесская области находились в более благоприятных условиях эвакуации в силу сложившегося положения на этом участке фронта...» [1, с. 236].

Все, что не успели вывезти в тыловые районы, было уничтожено. Об этом свидетельствует упомянутая информация Свердлова, в которой подчеркивается, что «основная масса не вывезенных ценностей (бензин, спирт, мука, зерно, сено, и др.) нами была уничтожена» [1, с. 199]. Как видно, эвакуационная кампания не принимала в расчет жизненные интересы населения и не обеспечила раздачу людям хотя бы части продовольствия, оставшегося под оккупацией. Это находит подтверждение и в письме И.П.Ганенко, который пишет из Могилева Г.Б.Эйдинову: «Эвакуацию города закончили успешно, более того, вывезли многое, чего не следовало вывозить, т.е. нужную часть продовольствия. Пока город не голодает, но через неделю начнутся затруднения» [1, с.191].

Документы сборника содержат интересный материал об уборке урожая. Известно, что этой проблеме с самого начала войны уделялось большое внимание со стороны партийных и советских органов. СНК БССР и ЦК КП(б)Б обязали Гомельский, Могилевский и Полесский обкомы КП(б)Б и облисполкомы привести немедленно в исполнение директиву ГКО СССР об уничтожении посевов в районах, из которых производится эвакуация «по Гомельской области в районах: Рогачевском, Жлобинском, Стрешинском, Журавичском, Кормянском, Речицком, Чечерском, Буда-Кошелевском. По Могилевской области – по всем районам области. По Полесской области – в районах: Туровском, Житковичском, Петриковском, Копаткевичском, Глусском, Паричском, Октябрьском, Домановичском, Лельчицком, Василевичском и Калинковичском» [1, с. 58]. Выполняя Директиву ГКО и распоряжение СНК и ЦК КП(б)Б, в 9 районах Полесской области по состоянию на 14.08.41 г. из 106 561 га зерновых посевов было роздано колхозным дворам 88 975 га, другим хозяйствам, не членам колхозов — 1 454 га. Остальная площадь зерновых культур — 16 132 га подлежала уничтожению, из которой на 14 августа уничтожено 13 013 га. Из 20 475 га картофеля было роздано 9 382 га, подлежало уничтожению 9 640 га, из которых уничтожено на 14.08.41 1950 га и осталось уничтожить ещё 7 690 га. Технические культуры уничтожались полностью. По состоянию на 14.08.41 г. было уничтожено 4 216 га из 9 835 га [1, с. 211].

Уничтожение урожая вызывало возмущение и недовольство не только среди населения, но и сомнение в правильности проводимой кампании среди руководящих работников. Как иллюстрация к сказанному небезинтересна следующая выдержка из письма И.П.Ганенко. 26 июля 1941 г. он писал Г.Б.Эйдинову: «Вчера звонил Гласов и передал решение ЦК об уничтожении урожая во всех оставшихся свободными районах, прошу взвесить еще раз обстановку; боюсь не поторопиться бы, это вызовет известную панику ... » [1, с.195]. Сопrotивление политике уничтожения урожая оказывали и военные. Так, секретарь Могилевского обкома КП(б)Б И.Н.Макаров информировал Г.Б.Эйдинова: «В ряде колхозов работу начали, но большое сопротивление военных товарищей, которые запрещают колхозам уничтожать посев сверх распределенный... Были у меня 5 представителей отдельных частей... с возмущением о неправильных якобы наших действиях ... Такое сопротивление имеет место по всем 4 районам и штаб армии тоже не советует ...» [1, с.202]. Вместо того, чтобы обеспечить уборку урожая, принималось решение о его уничтожении. Между тем, как подчеркивается в спецсообщении наркома внутренних дел БССР А.П.Матвеева, «большая часть районов, в которых Гомельский облисполком предложил уничтожить скот и посевы, находятся в значительном отдалении от линии фронта и при хорошей организации сельскохозяйственных работ, уборка урожая может быть проведена полностью, чему мешает паническое настроение работников советских органов Гомельской области. Необходимость уборки урожая, а не уничтожение его вызывается и тем обстоятельством, что войска 21-й армии должны бесперебойно снабжаться мукой, фуражом из местных ресурсов области» [2, л.23].

Долгое время «белым пятном» в истории Великой Отечественной войны оставался болезненный вопрос о настроениях и поведении населения во время оккупации. Необходимо отметить, что документы и материалы сборника вносят определённый вклад в осветление этой проблемы, о чем свидетельствует специальный раздел – настроения населения и красноармейцев, а также донесения, сообщения, докладные записки НКВД, НКГБ, Прокуратуры БССР.

Следует заметить, что довольно быстро среди населения выделились люди, недовольные советской властью и выявили готовность к антисоветским действиям. Это, прежде всего единоличники (в документах НКВД, НКГБ они названы «кулаками»), члены семей репрессированных. Документы НКВД и НКГБ БССР фиксируют случаи проявления такой позиции. «В связи с войной, начатой фашистской Германией против Союза ССР, – подчеркивалось в информации НКГБ БССР, – на территории БССР, неоккупированной Германией, начал проявлять активность контрреволюционный элемент из среды бывших служащих, кулаков и других. Эти лица выступают с пораженческим настроением в отношении СССР, восхваляют Гитлера, клеветают на советское правительство и коммунистическую партию, высказывают террористические настроения по адресу коммунистов и руководителей сов. аппарата» [1, с.136]. Начальник УНКВД Полесской области Строкин в своей докладной записке в дополнение к вышеназванным направлениям активизации контрреволюционных элементов указал ещё следующее: «в) попытки создания диверсионных групп; г) шпионаж в пользу противника; д) организация дезертирства; е) подрыв колхозного строя; ж) разграбление соцсобственности; з) мародерство [1, с.139]. В документах приводятся факты, подтверждающие число арестованных и осужденных за контрреволюционную деятельность. Как отмечается в докладной записке УНКВД по Полесской области, «с 22 июня по 20 июля 1941 г. в области арестовано 311 человек, из которых шпионов – 8 за к-р агитацию и распространение всевозможных провокационных слухов – 36 человек, дезорганизаторов тыла – 75 человек, мародеров – 18 человек, дезертиров – 178 чел.» [1, с.139]. «По Гомельской области за контрреволюционные преступления с 2.07 по 19.07.41 г. арестовано 135 человек, из них осуждено к ВМН (высшей мере наказания – Л.С.) – 52 чел., на 10 лет – 13 чел., от 10 до 5 лет – 6 чел.» [1, с.136].

Таким образом, опубликованные в сборнике «Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны» документы и материалы и другие неопубликованные архивные материалы дают основание утверждать, что на многие аспекты начала Великой Отечественной войны необходимо взглянуть более объективно и всесторонне, откинув идеологические мифы и стереотипы.

Abstract. The paper presents the analysis of the documents and materials of the Collection “Belarus in the first months of the Great Patriotic War” and the archive materials concerning the initial stage of the Great Patriotic War which have not been published before.

Литература

1. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны: (22 июня – август 1941). Документы и материалы. – Минск, НА РБ, 2006.
2. НА РБ.Ф. 4. Оп. 33а. Д. 13.
3. НА РБ.Ф. 3500. Оп. 4. Д. 197.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 18.11.07